

Л.О. Пережогин, Е.В. Романова

Современные программы профилактики кибернасилия в семье и школе

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия

Аннотация

В научном обзоре с целью выявления методологически корректных краткосрочных и лонгитудинальных программ профилактики кибернасилия среди детей и подростков школьного возраста проанализированы отечественные и зарубежные источники литературы. В ходе анализа предпочтение отдавалось исследовательским статьям, выполненным с опорой на принципы научной доказательности, оперирующим статистически достоверными данными, опубликованным в рецензируемых журналах, и литературным обзорам. В исследование не включались работы, формально соответствующие теме, но посвященные профилактическим программам, исключающим непосредственную работу с детьми, в том числе направленным на усовершенствование законодательства, повышение эффективности работы правоохранительных органов, запрет несовершеннолетним пользоваться смартфонами, внедрение систем родительского контроля и т.д. Анализировались публикации, индексируемые в международных научных базах данных (Scopus, Web of Science, PubMed) и российской РИНЦ.

Ключевые слова

кибернасилие; кибербуллинг; дети; подростки; интернет; агрессия; профилактика

Рекомендуемая ссылка

Пережогин Л.О., Романова Е.В. Современные программы профилактики кибернасилия в семье и школе // Вопросы охраны психического здоровья. 2024. Т. 3, № 1. С. 27–34. <https://elibrary.ru/kvkibg>

Кибернасилие (цифровое насилие, кибербуллинг, сетевое насилие, травля в Сети) возникло одновременно с распространением интернета среди массовых пользователей, ориентированных на использование Сети в личных (как правило, не связанных с работой, научными исследованиями или поиском серьезной информации) целях. Оно быстро распространилось среди взрослых пользователей сети, а также среди детей и подростков [1, 2]. Максимальные показатели кибернасилия наблюдались в период пандемии COVID-19, когда во всем мире миллионы людей оказались в условиях карантина, а работа и учеба осуществлялись дистанционно [3]. Наблюдение за большими группами детей и подростков до пандемии COVID-19, во время пандемии (в период карантина), при менее строгих ограничениях, а также после завершения пандемии (когда все ограничения были отменены) позволило прийти к выводу, что чем больше дети и подростки проводили времени в интернете, тем выше была вероятность того, что они станут подвергаться кибернасилию. Выявленная закономерность носила нелинейный характер, рост случаев кибернасилия происходил в экспоненциальной прогрессии [4].

Крайне высокие показатели встречаемости сетевого насилия отмечаются во многих странах мира. Ряд исследований выявили следующую частоту подверженности детей систематическому кибербуллингу в Европе: 2,9% в Италии, 5,7% в Германии, 6,9% в Бол-

гарию, 8,7% в Бельгии, 12,0% в Испании (рост на 7,0% за последние 5 лет), 12,0% в Финляндии (рост на 6,7% за последние 5 лет), 12,2% в Великобритании, 13,1% в Дании, 18,9% в Чехии (рост на 9,2% за последние 8 лет), 31,5% в Польше (рост на 24% за последние 8 лет) [5, 6]. Распространенность кибернасилия в молодежной среде высока: до 35% молодых людей признаются, что подвергались кибербуллингу, а 20% – что травили других [7, 8].

Некоторые исследования приводят, увы, к весьма неутешительным выводам: с 2000 по 2010-е гг. издевательства в интернете стали обыденным явлением. По данным литературных источников, прослеживается, что кибернасилие приводит к значительным проблемам в области психического здоровья как зачинщиков травли, так и их жертв. В основном кибернасилие ассоциируется с тревогой, депрессиями, самоповреждениями несуицидального характера и суицидами [9, 10]. Как следствие вышеперечисленного, остро встает вопрос о необходимости его профилактики. Изначально господствовало предположение, что «буллинг и кибербуллинг – следствие общего неблагоприятного климата» в конкретной школе, поэтому большинство превентивных мер, направленных на работу с широкой аудиторией, реализовывались именно в масштабах школы [11–13]. Однако результаты применения школьных профилактических программ оказались весьма неоднозначными: в частности, в Испании и Финляндии, где практически

все школы охвачены профилактическими программами, наблюдался значительный рост частоты встречаемости кибербуллинга (см. выше). В этой связи господствующее мнение о наибольшей эффективности превентивных программ, реализуемых в образовательной среде, стало подвергаться сомнению [14, 15].

Цель научного обзора – поиск методологически корректных краткосрочных и лонгитудинальных программ профилактики кибернасилия среди детей и подростков школьного возраста, доказавших свою эффективность. Отбор работ для обзора осуществлялся в несколько этапов. На первом этапе в международных научных базах данных (Scopus, Web of Science, PubMed) и российской РИНЦ по ключевым словам осуществлялся поиск тематических публикаций. Найденные работы проходили тщательную проверку на предмет их содержания; те из них, что не соответствовали теме исследования, исключались. Были исключены также работы, формально соответствующие теме обзора, но посвященные профилактическим программам, исключаящим непосредственную работу с детьми, направленным на усовершенствование законодательства, повышение эффективности работы правоохранительных органов, запрет несовершеннолетним пользоваться смартфонами, внедрение систем родительского контроля и т.д. На втором этапе из отобранных работ выбирали публикации, для которых был открыт полнотекстовый свободный доступ; среди них приоритет отдавался исследовательским статьям, выполненным с опорой на принципы научной доказательности, оперирующим статистически достоверными данными, опубликованным в рецензируемых журналах, и литературным обзорам. На третьем этапе прошедшие отбор источники использовали для подготовки данного научного обзора.

Кибернасилие в молодежной среде – лишь одна из форм насильственных действий, сочетающаяся, как правило, с реальным насилием, осуществляемым вне сети. Как правило, участники кибербуллинга и участники издевательств в реальной жизни – одни и те же люди, как агрессоры, так и их жертвы [16, 17]. Так же как и в реальной жизни, кроме агрессора и жертвы, в кибернасилии участвуют сторонние наблюдатели. Часть из них сохраняет нейтралитет, а часть присоединяется к глумлению над жертвой. Сочувствующих жертве, в отличие от реальной жизни, в интернете, как правило, нет [18, 19]. Подобно реальному насилию кибернасилие сопряжено с многочисленными негативными последствиями для психического здоровья, причем не только жертв [20–22]. В связи с фактами причинения кибернасилием реального вреда, во многих странах законодательно введена ответственность за кибербуллинг, который зачастую считается более тяжким деянием, чем аналогичные действия вне сети [23, 24]. Практически во всех странах осуществляется профилактика кибернасилия, с одной стороны, как преступления, с другой – как негативного обществен-

ного явления, проявляющегося преимущественно в молодежной среде. В одном из недавних исследований, проведенных специалистами ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России [25], подробно рассматривались профилактические программы, реализуемые в стенах школы. В данной работе мы уделим большее внимание профилактике, осуществляемой в семье, в информационном поле, а также комплексным моделям профилактики.

Профилактика кибернасилия в семье и школе

Многочисленные программы, проводимые на уровне семьи и школы, представляют собой, по существу, работу с подростками, осуществляемую в рамках открытых психотерапевтических групп. Некоторые программы ориентируются на снижение показателей взаимной агрессии между участниками группы путем развития эмоциональной близости, единства, повышения уровня эмпатии [26] (например, реализуемая в Испании программа «PREDEMA»). Занятия в группах продолжаются около полугода; в случае необходимости они могут быть возобновлены в любое время. Контроль эффективности осуществляется как путем регистрации динамики случаев насилия, так и путем оценивания динамики межличностных отношений в группе с использованием батареи психологических тестов. Короткие программы, направленные на формирование продуктивных стратегий межличностного взаимодействия (например, итальянская RPC, «Relazioni per crescere» – «Отношения для роста»), часто опираются на психотерапевтические приемы, обучающие совладающему поведению (совладание со стрессом, с агрессией, с тревогой) [27]. Схожая программа осуществляется в рамках испанского проекта TEI («Tutoría Entre Iguales» – «Опека среди равных») [28]. Она опирается на формирование навыков совладающего поведения среди учеников, педагогов и родителей с последующей передачей этих навыков друг другу (внутреннее наставничество в качестве альтернативы работе профессионального психотерапевта). Проведенное через полгода работы программы исследование показало значительное снижение числа конфликтов, в том числе драк, насмешек и взаимных издевательств в интернете. Знаменитая программа KiVa, реализуемая во многих странах Европы, особенно в Финляндии, ориентирована на формирование нетерпимого отношения к насилию со стороны сохраняющих нейтралитет наблюдателей. Долгое время она считалась почти «золотым стандартом» антибуллинговых практик [29, 30], однако в последние годы появились существенные сомнения в ее эффективности. Исследования показали, что KiVa сохраняет высокую эффективность в части превенции бытовых издевательств, однако на распространенность кибербуллинга влияет, вероятно, незначительно [31]. Аналогичные результаты были получены в ходе внедрения программ, направленных на создание позитивной школьной среды в США и Великобритании.

Тренировка навыков эмоционального взаимодействия, совладания и принятия резко снижала число реальных издевательств во включенных в программу школах, но почти никак не влияла на частоту кибернасилия. Возможно, это было связано с тем, что правила игры в реальной жизни и в интернете (в том числе в социальных сетях) принципиально разные [32, 33]. Несколько особняком среди программ, разработанных для семьи и школы, стоит испанская программа «Asegúrate». Она направлена на учителей и обучает их работе с семьями учеников. По сути, ключевым звеном программы является рабочая тетрадь для родителей ребенка, содержащая комплекс упражнений, разработанных в рамках модели поведенческой терапии [34]. Следует отметить, что в последнее время все чаще встречаются попытки опосредованного взаимодействия специалистов (психотерапевтов, психологов) с детьми: оно осуществляется через родителей, педагогов, волонтеров и т.д. Объясняется подобный подход необходимостью «расширить границы охвата программы» или предполагаемой эффективностью «взаимодействия на равных», «наставничества», «передачи личного опыта». С другой стороны, очевидно, что родители и педагоги, как правило, не обладают специальными знаниями, в связи с чем могут чувствовать себя неуверенно в несвойственной им роли или, напротив, действовать так, как они привыкли, без учета полученных от специалистов рекомендаций. На наш взгляд, дистанцирование специалистов неминуемо приводит к снижению эффективности реализации профилактических программ. Нельзя признать успешными также программы, реализуемые посредством привычных воспитательных приемов, включая вовлечение детей в творчество, занятия искусством. Как правило, такие программы привлекают в основном благополучных и социализированных детей, которые и ранее не участвовали в издевательствах над сверстниками и учителями, а проблемные дети избегают участия в них [35]. В то же время обыкновенные информационные лекции, проводимые сотрудниками полиции и врачами, оказываются весьма результативными за счет приобретения детьми знаний о кибернасилии, что позволяет им грамотнее строить свои отношения в интернете и избегать провоцирующих кибернасилие рискованных ситуаций [36, 37]. Образцом такой программы, информирующей детей, посещающих старшие группы детского сада и младшие классы школы, об угрозах насилия (в том числе сексуального и физического), а также о кибернасилии, является учебная программа Фонда по вопросам безопасности детей в школах Флориды, реализуемая в 8 странах [38].

Программы профилактики кибернасилия, ориентированные на семью

Во многих странах правительственные учреждения активно осуществляют пропаганду кибербезопасности. Часто в фокусе таких образовательных программ

оказываются родители подростков группы риска; их обучают оказывать необходимую поддержку детям, подвергшимся кибернасилию. Родителям разъясняют также необходимость самим воздерживаться от противоправных действий, если их детей обидели в школе или в интернете [39]. Среди профилактических мероприятий выделялись программы, построенные по принципу ролевых игр, участники которых воспроизводили ситуации с участием медийных персонажей, отрабатывая стратегии поведения, направленные на снижение агрессии и достижение примирения [40]. Длительные программы имели значительно большую эффективность, чем краткосрочные вмешательства, несмотря на то что последние отличались более широким охватом участников. Участие родителей вместе с детьми в программах профилактики насилия, проводимых в форме тренингов «эмоциональной грамотности» (навыки эмоциональной саморегуляции, способности к эмоциональной самоидентификации, обучение здоровому реагированию на эмоции), также приводило к снижению насилия в подростковой среде. Особенно значимым было сокращение числа ссор среди подростков [41]. Вероятнее всего, данный результат был отчасти обусловлен и уменьшением напряжения в семьях. Аналогичные программы, направленные исключительно на детей, дали статистически нерепрезентативные результаты [42].

Многоуровневая программа «The Tabby» («Threat Assessment of Bullying Behavior among Youngsters» – «Оценка угрозы хулиганского поведения среди молодежи»), реализуемая в Италии, представляет собой систему, интегрирующую обучение педагогов, работу с родителями и целыми семьями, внутришкольные и внеклассные мероприятия с учащимися. Основа программы – обучение избеганию рискованного поведения и противоправных действий. Среди подростков (участников программы) значительно снижались показатели участия в кибернасилии и в реальном насилии как в качестве агрессоров, так и в качестве жертв. Исключение составляли девушки, обнаруживавшие виктимное поведение [43]. Комплексная программа помощи педагогам, подросткам и их семьям «Prev@cib» (созданная в Испании), построенная на принципах разъяснения, обучения и психотерапевтической поддержки, показала хорошие результаты, однако позитивный эффект ее применения длился лишь несколько месяцев, а затем нивелировался [44].

Программы профилактики кибернасилия, реализуемые посредством цифровых технологий

Официальные правительственные структуры и общественные организации многих стран активно пропагандируют программы профилактики кибернасилия, основанные на применении сетевых фильтров, исключающих (в автоматическом режиме) контакт пользователя с потенциально небезопасным контен-

том в сети и потенциально опасными собеседниками. Однако исследования показывают низкую эффективность таких программ [45, 46].

Потенциально перспективными с точки зрения достижения большого охвата подростковой аудитории являются программы профилактики, построенные с опорой на традиционные принципы психотерапии, но реализующиеся в дистанционном формате, например в форме открытых групп, работающих в социальных сетях и на платформах мессенджеров. Австралийская программа IRCB («Increasing resilience to cyberbullying» – «Повышение устойчивости к кибернасилию»), построенная на классической для современных психотерапевтических интервенций триаде из когнитивно-поведенческой терапии (КПТ), терапии принятия и ответственности (ТПО), диалектической поведенческой терапии (ДПТ), реализующаяся в интернете и распространяемая через систему реферальных ссылок, привлекла внимание многих исследователей, однако (несмотря на многочисленные позитивные отзывы) убедительных доказательств ее эффективности не получено [47].

Сетевые программы кибербезопасности, направленные на предотвращение широкого спектра рисков, существующих в интернете и актуальных для подростков, например, испанская «Safety.net» (не путать с одноименным сервисом от компании Google, тестирующим безопасность приложений для мобильных телефонов), работают по другому принципу: они представляют собой несколько информационных блоков, внутри которых размещены различные материалы (тексты, фотографии, аудио- и видеофайлы), связанные между собой ссылками, позволяющими переходить со страницы на страницу не в строгой последовательности, а спонтанно, в зависимости от текущего интереса к теме. Таким образом, «путешествуя» по системе ссылок, подросток получает информацию по финансовой грамотности в сети, профилактике кибернасилия, навыкам совладания со своими эмоциями; узнает адреса и телефоны организаций, в которые можно обратиться за помощью [48]. Программа «Safety.net» оказалась высокоэффективным инструментом профилактики. Среди подростков, выбранных случайным образом из числа ее участников, уровень насилия и кибернасилия оказался значительно ниже, чем в контрольной группе. Аналогичная программа, реализуемая в социальной сети Instagram (сеть запрещена в Российской Федерации с 2022 г.) показала не столь высокую эффективность [49]. Сходная по принципам организации помощи программа «Cooperative Cybereduca 2.0» (Испания), реализованная в форме видеоигры в сочетании с еженедельными уроками безопасности, проводившимися в школе в течение учебного года, показала хорошие результаты [50]. Опыт рассылки SMS-сообщений поддерживающего характера подросткам, ставшим жертвами насилия, выписанным из больницы, также получил очень много позитивных

отзывов, как от самих жертв насилия, так и от людей из их ближайшего окружения [51].

Программы профилактики кибернасилия, реализуемые посредством альтернативных технологий

Министерство здравоохранения Канады опубликовало рекомендации по соблюдению режима дня детьми и подростками, известные как «Canadian 24 h movement guidelines for Children and Youth» («Канадские руководящие принципы для детей и молодежи: как прожить 24 часа в сутках»). Идея принципов проста: ребенку предписывается ежедневная физическая активность не менее 60 минут, соблюдение продолжительности ночного сна от 9 до 11 часов для подростков до 13 лет и не менее 8–10 часов для подростков до 17 лет включительно. Запрещается превышать ежедневный предел экранного времени (телевизор, компьютер, гаджеты), определенный в 2 часа. Таким образом, «руководящие принципы» – сугубо гигиенические требования, не включающие в себя никаких психологических технологий (в том числе направленных на профилактику кибернасилия), однако их соблюдение оказалось исключительно эффективным: шансы стать агрессором или жертвой травли в школе и в интернете, объектом сексуальных домогательств в сети у детей, соблюдавших принципы, резко снижались [52].

Заключение

Поскольку последствия кибернасилия для психического здоровья оцениваются как более тяжелые, чем последствия самого насилия, пережитого в реальной жизни [53, 54], кибербуллинг вполне закономерно стал мишенью для многочисленных профилактических программ, которые, в свою очередь, показали разные степени эффективности. Обобщая опыт разработчиков и исследователей результативности программ, направленных на снижение частоты и уровня неблагоприятных последствий кибернасилия, можно сделать несколько важных выводов, определяющих требования к созданию действенной программы профилактики.

Во-первых, программа профилактики должна реализовываться комплексно, охватывая различные сферы жизни подростков:

- 1) режим дня, включая режим сна и бодрствования, дозированные интеллектуальные и физические нагрузки, ограничения, связанные с временем, проводимым у экранов различных электронных устройств;
- 2) в программу должны вовлекаться как сами подростки, так и взрослые из их ближайшего окружения (родители, педагоги); весьма перспективным направлением является передача информации внутри подростковой среды, осуществляемая волонтерами из числа ровесников;
- 3) программа должна быть направлена на предотвращение не только исключительно кибернасилия, но и всей совокупности рисков, связанных с интернетом;

4) программа должна включать различные формы взаимодействия с подростками, как традиционные педагогические (лекции, семинары, тренинги, психообразовательные мероприятия), психотерапевтические (групповая и индивидуальная психотерапия в рамках КПТ, ТПО и ДПТ), так и интерактивные взаимодействия, реализуемые, в том числе в виде сетевых проектов. Для детей и подростков, обнаруживающих психические расстройства, в частности входящих в группы риска по самоповреждающему и суицидальному поведению, рекомендуется создавать специальные программы профилактики [55].

Во-вторых, программа профилактики должна реализовываться длительно, системно, охватывать как можно более широкие группы подростков и взрослых. В ее реализации должны участвовать многие специалисты (бесперспективно, если программу в школе осуществляет один специально подготовлен-

ный педагог; это задача всего коллектива) различных направлений, среди которых – врачи-интернисты, врачи-психиатры и врачи-психотерапевты, психологи и педагоги, представители полиции и средств массовой информации. Вероятно, наиболее перспективны проекты, реализуемые в крупном масштабе (район, город, страна).

В-третьих, программа должна проходить регулярную оценку эффективности, обладая при этом хорошо развитой системой обратной связи; необходимо, чтобы она своевременно модифицировалась, подстраивалась под условия объективной реальности и киберсреды, реагируя на экономические, политические, культуральные изменения в социуме. Разработка таких программ, бесспорно, требует больших ресурсов, однако затраты, безусловно, окупаются за счет существенного снижения обусловленных кибернасилием суицидов и психических расстройств [13].

Сведения об авторах

*Пережогин Лев Олегович** – доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник Отделения социальной и судебной психиатрии детей и подростков Отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия

Индексы: РИНЦ Author ID: 196257; SPIN-код: 9982-8015; Scopus Author ID: 57573024900; ORCID: 0000-0002-6872-4457

E-mail: drlev.ru@yandex.ru

* Автор, ответственный за переписку.

Романова Елена Владимировна – младший научный сотрудник Отделения социальной и судебной психиатрии детей и подростков Отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия

Индексы: РИНЦ Author ID: 1119909; SPIN-код: 4588-9658

E-mail: dr.romanova@mail.ru

Информация о конфликте интересов и источнике финансирования

Авторы заявили об отсутствии конфликта интересов. Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания № 056-00037-23-00 «Разработка комплексных моделей клинико-психологической диагностики, экспертизы, профилактики, межведомственного взаимодействия при работе с детьми и подростками в контексте преступлений, совершенных в информационной среде и киберпространстве».

Литература

1. World Health Organization. Report of the Consultation on Child Abuse Prevention. 29–31 March 1999. WHO. Geneva. World Health Organization: Geneva. Switzerland, 1999 [Электронная публикация] <https://apps.who.int/iris/handle/10665/65900> (дата обращения 20.02.2024).
2. Asamoah M.K. The two side coin of the online social media: Eradicating the negatives and augmenting the positives // International Journal Ethics Education. 2019. № 4. P. 3–21.
3. Cheng C., Lau Y.C., Luk J.W. Social capital-accrual, escape-from-self, and time-displacement effects of internet use during the COVID-19 stay-at-home period: Prospective, quantitative survey study // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22, № 12. P. e22740. doi: 10.2196/22740
4. Kang K.I., Kang K., Kim C. Risk factors influencing cyberbullying perpetration among middle school students in Korea: Analysis using the zero-inflated negative binomial regression model // International Journal of Environment Research in Public Health. 2021. Vol. 18. P. 2224. doi: 10.3390/ijerph18052224
5. Henares-Montiel J., Benítez-Hidalgo V., Ruiz-Pérez I. et al. Cyberbullying and Associated Factors in Member Countries of the European Union: A Systematic Review and Meta-Analysis of Studies with Representative Population Samples // International Journal of Environment Research in Public Health. 2022. Vol. 19. P. 736.
6. Smahel D., Machackova H., Mascheroni G. et al. EU Kids Online 2020: Survey Results from 19 Countries. London School of Economics and Political Science: London. UK, 2020 [Электронная публикация] https://www.researchgate.net/publication/339177682_EU_Kids_Online_2020_Survey_results_from_19_countries (дата обращения 10.03.2024).

7. van Geel M., Vedder P., Tanilon J. Relationship between peer victimization, cyberbullying, and suicide in children and adolescents: a meta-analysis // *JAMA Pediatrics* 2014. Vol. 168, № 5. P. 435–442.
8. Пережогин Л.О., Романова Е.В. Интернет. Кибербуллинг. Суицид. Как они связаны в подростковой популяции? // *Психическое здоровье*. 2023. Т. 18, № 5. С. 77–80.
9. Arseneault L., Bowes L., Shakoor S. Bullying victimization in youths and mental health problems: 'much ado about nothing'? // *Psychological Medicine*. 2010. Vol. 40, № 5. P. 717–729.
10. Brunstein-Klomek A., Marrocco F., Kleinman M. et al. Bullying, depression, and suicidality in adolescents // *Journal of American Academy of Child Adolescent Psychiatry*. 2007. Vol. 46, № 1. P. 40–49.
11. Fekkes M., Pijpers F.I., Verloove-Vanhorick S.P. Effects of antibullying school program on bullying and health complaints // *Archive of Pediatrics and Adolescent Medicine*. 2006. Vol. 160, № 6. P. 638–644.
12. Fonagy P., Twemlow S.W., Vernberg E.M. et al. A cluster randomized controlled trial of child-focused psychiatric consultation and a school systems-focused intervention to reduce aggression // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2009. Vol. 50, № 5. P. 607–616.
13. Пережогин Л.О., Бадмаева В.Д., Макушкин Е.В., Нуцкова Е.В. Международная практика использования профилактических программ, направленных на снижение кибернасилия в школьной среде // *Российский психиатрический журнал*. 2020. № 4. С. 63–70.
14. Smith P.K., Mahdavi J., Carvalho M. et al. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2008. Vol. 49. P. 376–385.
15. Levy N., Cortesi S., Crowley E. et al. Bullying in a Networked Era: A Literature Review. Harvard University: Berkman Center Research Publication. 2012. P. 49 [Электронная публикация] https://cyber.harvard.edu/publications/2012/kbw_bullying_in_a_networked_era (дата обращения 10.03.2024).
16. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying, cyberbullying, and suicide // *Archive of Suicide Research*. 2010. Vol. 14. P. 206–221.
17. Juvonen J., Gross E.F. Extending the school grounds? Bullying experiences in cyberspace // *Journal of School Health*. 2008. Vol. 78, № 9. P. 496–505.
18. Ojanen T.T., Boonmongkon P., Samakkeekarom R. et al. Connections between online harassment and offline violence among youth in central Thailand // *Child Abuse and Neglect*. 2015. Vol. 44, № 6. P. 159–169.
19. Katzer C., Fetchenhauer D., Belschak F. Cyberbullying: Who are the victims? A comparison of victimization in internet chatrooms and victimization in school // *Journal of Media Psychology*. 2009. Vol. 21, № 2. P. 25–36. doi: 10.1027/1864-1105.21.1.25
20. Parris L., Jungert T., Thornberg R. et al. Bullying bystander behaviors: The role of coping effectiveness and the moderating effect of gender // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2020. Vol. 61. P. 38–46. doi: 10.1111/sjop.12564
21. Feijóo S., Foody M., O'Higgins Norman J. et al. Cyberbullies, the cyberbullied, and problematic internet use: Some reasonable similarities // *Psicothema*. 2021. Vol. 33, № 2. P. 198–205. doi: 10.7334/psicothema2020.209
22. Huang J., Zhong Z., Zhang H., Li L. Cyberbullying in social media and online games among Chinese college students and its associated factors // *International Journal of Environment Research in Public Health*. 2021. Vol. 18, № 9. P. 4819. doi: 10.3390/ijerph18094819
23. Baldry A.C., Sorrentino A., Farrington D.P. Post-traumatic stress symptoms among Italian preadolescents involved in school and cyber bullying and victimization // *Journal of Child and Family Studing*. 2019. Vol. 28. P. 2358–2364.
24. Modecki K.L., Minchin J., Harbaugh A.G. et al. Bullying prevalence across contexts: A meta-analysis measuring cyber and traditional bullying // *Journal of Adolescent Health*. 2014. Vol. 55. P. 602–611.
25. Пережогин Л.О., Бадмаева В.Д., Макушкин Е.В., Нуцкова Е.В. Международная практика использования профилактических программ, направленных на снижение кибернасилия в школьной среде // *Российский психиатрический журнал*. 2020. № 4. С. 63–70.
26. Schoeps K., Villanueva L., Prado-Gascó V.J., Montoya-Castilla I. Development of emotional skills in adolescents to prevent cyberbullying and improve subjective well-being // *Frontiers in Psychology*. 2018. Vol. 9, № 10. P. 2050. doi: 10.3389/fpsyg.2018.02050
27. Guarini A., Menin D., Menabò L., Brighi A. RPC teacher-based program for improving coping strategies to deal with cyberbullying // *International Journal of Environment Research in Public Health*. 2019. Vol. 16. P. 948. doi: 10.3390/ijerph16060948
28. Ferrer-Cascales R., Albaladejo-Blázquez N., Sánchez-SanSegundo M. et al. Effectiveness of the TEI program for bullying and cyberbullying reduction and school climate improvement // *International Journal of Environment Research in Public Health*. 2019. Vol. 16. P. 580. doi: 10.3390/ijerph16040580
29. Salmivalli C., Poskiparta E.M. Making bullying prevention a priority in Finnish schools the KiVa antibullying program // *New directions for youth development*. 2012. Vol. 133. P. 41–53.
30. Williford A., Elledge L.C., Boulton A.J. et al. Effects of the KiVa antibullying program on cyberbullying and cybervictimization frequency among Finnish youth // *Journal of Clinical Child and Adolescent Psychology*. 2013. Vol. 42, № 6. P. 820–833.
31. Tiiri E., Luntamo T., Mishina K. et al. Did Bullying victimization decrease after nationwide school-based antibullying program? A time-trend study // *Journal of American Academy of Child Adolescent Psychiatry*. 2020. Vol. 59. P. 531–540. doi: 10.1016/j.jaac.2019/03/023
32. Acosta J., Chinman M., Ebener P. et al. Evaluation of a whole-school change intervention: Findings from a two-year cluster-randomized trial of the restorative practices intervention // *Journal of Youth Adolescent*. 2019. Vol. 48, № 3. P. 876–890.
33. Bonell C., Dodd M., Allen E. et al. Broader impacts of an intervention to transform school environments on student behaviour and school functioning: Post hoc analyses from the INCLUSIVE cluster randomised controlled trial // *BMJ Open*. 2020. № 10. e031589
34. Del Rey R., Ortega-Ruiz R., Casas J. Asegúrate: An intervention program against cyberbullying based on teachers' commitment and on design of its instructional materials // *International Journal of Environment Research in Public Health*. 2019. Vol. 16. P. 434. doi: 10.3390/ijerph16030434
35. Agle J., Jun M., Eldridge L. et al. Effects of ACT out! Social issue theater on social-emotional competence and bullying in youth and adolescents: Cluster randomized controlled trial // *JMIR Mental Health*. 2021. Vol. 8. e25860. doi: 10.2196/25860
36. Zafra J.A., Bonilla-Carrasco M.I., Carreiro-Alonso M.A., González-de Paz L. Prevalence and self-report of bullying after in-class police orientation talk // *Public Health Nursing*. 2021. Vol. 38. P. 1131–1134. doi: 10.1111/phn.12945
37. Peng Z., Li L., Su X., Lu Y. A pilot intervention study on bullying prevention among junior high school students in Shantou, China // *BMC Public Health*. 2022. Vol. 22. P. 262.
38. Bright M.A., Sayedul Huq M., Patel S. et al. Child safety matters: Randomized control trial of a school-based, child victimization prevention curriculum // *Journal of Interpersonal Violence*. 2022. Vol. 37. P. 538–556.

39. Roberto A., Eden J., Deiss D. et al. The short-term effects of a cyberbullying prevention intervention for parents of middle school students // International Journal of Environment Research in Public Health. 2017. Vol. 14. P. 1038. doi: 10.3390/ijerph14091038
40. Zagorscak P., Schultze-Krumbholz A., Heinrich M. et al. Efficacy of cyberbullying prevention on somatic symptoms-randomized controlled trial applying a reasoned action approach // Journal for Research of Adolescent. 2019. Vol. 29. P. 908–923. doi: 10.1111/jora.12429
41. Vivolo-Kantor A.M., Niolon P.H., Estefan L.F. et al. Middle school effects of the dating matters comprehensive teen dating violence prevention model on physical violence, bullying, and cyberbullying: A cluster-randomized controlled trial // Prevention Science. 2021. Vol. 22. P. 151–161.
42. Martínez-Martínez A., Pineda D., Galán M. et al. Effects of the action for neutralization of bullying program on bullying in Spanish schoolchildren // International Journal of Environment Research in Public Health. 2021. Vol. 18. P. 6898. doi: 10.3390/ijerph18136898
43. Sorrentino A., Baldry A., Farrington D. The efficacy of the tabby improved prevention and intervention program in reducing cyberbullying and cybervictimization among students // International Journal of Environment Research in Public Health. 2018. Vol. 15. P. 2536. doi: 10.3390/ijerph15132536
44. Ortega-Barón J., Buelga S., Ayllón E. et al. Effects of intervention program Prev@cib on traditional bullying and cyberbullying // International Journal of Environment Research in Public Health. 2019. Vol. 16. P. 527.
45. Selkie E., Evans Y., Ton A. et al. Ideas for addressing electronic harassment among adolescents attending a video blogging convention // BMC Public Health. 2018. Vol. 18. P. 973.
46. Przybylski A.K., Nash V. Internet filtering technology and aversive online experiences in adolescents // Journal Pediatrics. 2017. № 4. P. 184.
47. Chillemi K., Abbott J.-A.M., Austin D.W., Knowles A. A pilot study of an online psychoeducational program on cyberbullying that aims to increase confidence and help-seeking behaviors among adolescents // Cyberpsychology Behavior Social Network. 2020. Vol. 23. P. 253–256. doi: 10.1089/cyber.2019.0081
48. Ortega-Barón J., González-Cabrera J., Machimbarrena J.M., Montiel I. Safety.Net: A pilot study on a multi-risk internet prevention program // International Journal of Environment Research in Public Health. 2021. Vol. 18. P. 4249. doi: 10.3390/ijerph18084249
49. Kutok E.R., Dunsiger S., Patena J.V. et al. A cyberbullying media-based prevention intervention for adolescents on instagram: pilot randomized controlled trial // JMIR Mental Health. 2021. Vol. 8. e26029. doi: 10.2196/26029
50. Garaigordobil M., Martínez-Valderrey V. Technological resources to prevent cyberbullying during adolescence: The cyberprogram 2.0 program and the cooperative cybereduca 2.0 videogame // Frontiers in Psychology. 2018. Vol. 9. P. 745. doi: 10.3389/fpsyg.2018.00745
51. Ranney M.L., Pittman S.K., Moseley I. et al. Cyberbullying prevention for adolescents: Iterative qualitative methods for mobile intervention design // JMIR Formative Research. 2021. Vol. 5. e25900. doi: 10.2196/25900
52. Sampasa-Kanyinga H., Colman I., Goldfield G.S. et al. Associations between the Canadian 24 h movement guidelines and different types of bullying involvement among adolescents // Child Abuse Neglect. 2020. Vol. 108, № 10. P. 104638. doi:10.1016/j.chiabu.2020.104638
53. Baldry A.C., Sorrentino A., Farrington D.P. Post-traumatic stress symptoms among Italian preadolescents involved in school and cyber bullying and victimization // Journal of Child Family Study. 2019. Vol. 28. P. 2358–2364.
54. Modecki K.L., Minchin J., Harbaugh A.G. et al. Bullying prevalence across contexts: A meta-analysis measuring cyber and traditional bullying // Journal of Adolescent Health. 2014. Vol. 55. P. 602–611.
55. Банников Г.С., Эминова В.С. Программы профилактики суицидального поведения подростков // Вопросы охраны психического здоровья. 2022. Т. 1, № 2. С. 29–36. <https://elibrary.ru/lqafwk>

ISSUES OF PREVENTION

Review

L.O. Perezhogin, E.V. Romanova

Contemporary Prevention Programs of Cyberviolence at Home and in School

V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

Annotation

In this review Russian and foreign sources of literature were analyzed in order to identify methodologically correct short-term and longitudinal prevention programs of cyberviolence among school-age children and adolescents. In analysis preference was given to literature reviews and research articles based on the principals of scientific evidence, dealing with statistically reliable data and published in peer-reviewed journals. The study did not include publications formally relevant to the subject but related to prevention programs, which exclude direct work with children and focus on improving the legislation, enhancing the work of law enforcement agencies, prohibiting minors from using smartphones, implementing of parental control systems etc. RSCI publications and articles from indexed international scientific databases (Scopus, Web of Science, PubMed) were examined.

Key words

cyberviolence; cyberbullying; children; adolescents; the Internet; aggression; prevention

About the Authors

*Perezhogin Lev Olegovich** – Doctor of Medicine, Leading Researcher of the Department of Social and Forensic Psychiatry for Children and Adolescents of the Department of Social and Forensic Psychiatric Problems of Minors, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

Indices: RSCI Author ID: 196257; SPIN-code: 9982-8015; Scopus Author ID: 57573024900; ORCID: 0000-0002-6872-4457

E-mail: drlev.ru@yandex.ru

** Corresponding author.*

Romanova Elena Vladimirovna – Junior Researcher of the Department of Social and Forensic Psychiatry for Children and Adolescents of the Department of Social and Forensic Psychiatric Problems of Minors, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

Indices: RSCI Author ID: 1119909; SPIN-code: 4588-9658

E-mail: dr.romanova@mail.ru